

Н. С. ЧИРИКОВ

<«Со свойственной ему непреклонностью адмирал стал проводить свои решения в жизнь»>

От Черноморского флота требовалось принять меры, чтобы оградить русское побережье Черного моря от нападений со стороны германских крейсеров и в дальнейшем не допускать неприятельским подводным лодкам наносить нам такие потери. Поэтому командовать Черноморским флотом и был избран государем императором наиболее энергичный молодой, всего 42-летний вице-адмирал Колчак.

По дороге из Балтийского моря в Севастополь вице-адмирал Колчак был вызван в Могилев в Ставку Верховного главнокомандующего, где имел счастье представиться государю императору. Уже находясь за рубежом, в Шанхае, адмирал вспомнил, как он представлялся государю в Могилеве и как император объяснял ему план войны, давая подробную директиву для действий на Черноморском театре¹. Адмирал выражался так: «Тут я понял, что передо мною настоящий Верховный главнокомандующий, изучивший внимательно и вполне освоившийся со стратегической обстановкой того времени». Государь наградил и лично вручил адмиралу звезду Станислава 1-й степени, напутствовал иконой и благословил его на водружение в Царьграде православного креста на Святой Софии.

В первый же день прибытия в Севастополь, едва только адмирал Колчак успел принять командование флотом от адмирала Эбергарда, как русская секретная разведка донесла Штабу флота о выходе германского крейсера «Бреслау» в море из Босфора. Вместо обычного смотра в бухте на якоре адмирал Колчак немедленно вышел с флотом в море для встречи с противником, подняв свой флаг на линкоре «Императрица Мария», на пересечку предполагаемому курсу «Бреслау», шедшему обстреливать кавказские берега. В 4 часа пополудни русский флот встретил «Бреслау». Первый же залп 12-дюймовых орудий «Императрицы Марии» дал полное накрытие, но «Бреслау» выпустил совершенно

скрывшую его дымовую завесу и, пользуясь преимуществом хода, ушел в Босфор.

Находясь на пути из Ставки в Севастополь, адмирал Колчак принял решение приложить все усилия для постановки минных заграждений не у наших портов, а у неприятельских, т. е. у выходов из Босфора и Варны, для тесной блокады флота противника в его собственных портах. Поэтому адмирал решил: во-первых, разделить русские морские силы на три группы, чтобы одна из них постоянно крейсировала в море и блокировала Босфор; во-вторых, ставить мины заграждения у Босфора и Варны в таком большом количестве, чтобы противник не успевал их вытраливать и, в-третьих, ставить мины у самого вражеского берега и ни в коем случае не дальше 5-ти миль от берега, дабы не лишать наши морские силы возможности бомбардировать Босфорские батареи с моря с близкой дистанции.

Со свойственной ему непреклонностью адмирал стал проводить свои решения в жизнь. Мин оказалось в Севастополе только 400 вместо потребных 2000. Морской министр обещал прислать нехватящие мины. Был вызван в Севастополь наш лучший специалист по минному делу капитан 1-го ранга Шрейбер, разработавший новый тип малой мины, так называемую «рыбку», для борьбы с подводными лодками.

9000 таких «рыбок» были заказаны нашим южнорусским заводам, и уже в июле 1916 года было приступлено к минированию подхода к проливу Босфор. Русская подводная лодка «Краб» 31-го июля поставила сначала 40 мин в самом горле пролива, 2-го, 5-го и 9-го августа эскадренные миноносцы поставили шесть линий основного минного заграждения, всего 720 мин. Кроме того, для усиления основного заграждения 11-го августа эскадренные миноносцы поставили на его флангах еще 156 мин. Вследствие этих минных постановок противник в течение месяца не выходил в Черное море. Но вследствие того, что минные заграждения ничем не защищались, противнику удалось через месяц протралить фарватер около самого берега и возобновить движение мелких судов.

Потребовалось подновить минные заграждения, ставя мины под самым берегом на протраленном неприятелем фарватере и в горле пролива. Но для этого следовало проходить через свои же минные поля, что могли делать только суда с очень малым углублением. Такими судами на Черном море были так называемые «эльпидифоры», или паровые шхуны Азовского моря. В качестве ориентира при выходе судов к месту постановки использовались подводные лодки.

Для подновления заграждений у Босфора и Варны были специально оборудованы два «эльпидифора». Каждое судно принимало по 220 мин. Подновление минных заграждений у Босфора и Варны с «эльпидифо-

ров» началось в октябре 1916 года. Вследствие того, что эти суда были тихоходны, для постановки мин у Босфора и Варны их приходилось вести на буксире из Севастополя до района постановки. Для буксировки применялись надводные минные заградители, имевшие на борту второй комплект мин. Постановка мин производилась ночью. После постановки «эльпидифоры» возвращались к минному заградителю, принимали второй комплект мин и на следующую ночь производили вторую постановку. При такой организации один «эльпидифор» мог поставить за один поход 440 мин. За время командования Черноморским флотом адмиралом Колчаком в 1916 году было таким образом поставлено у Босфора 2088 мин, и у Варны 740 мин. В результате этих постановок германо-турецкие и болгарские морские силы потеряли потопленными на этих минах 1 эскадренный миноносец, 4 подводные лодки и ряд мелких судов. Военные суда германо-турецких морских сил оказались заблокированы в своих портах и в конце 1916 и начале 1917 года в Черное море не выходили.

Германский морской историк контр-адмирал Лорей² в своем официальном капитальном труде, озаглавленном «Der Krieg zur See» по вопросу постановок этих минных заграждений у Босфора и Варны выражает свое мнение следующими словами:

«...Постановка минных заграждений у Босфора и Варны русскими морскими силами летом и осенью 1916 года явилась операцией во всех отношениях замечательной. По приблизительному подсчету ими было поставлено от 1800 до 2000 мин заграждения. Для выполнения этого задания они пользовались многими ночами, потому что лишь ночью им можно было приближаться к берегу. Их линии заграждений тянулись до самого очертания побережья вплотную к берегу и новые ставились так близко от прежде поставленных, что ловкость, отчетливость и уверенность, с которой русские избегали своих же, на малую глубину ранее поставленных мин, поистине достойна удивления. В качестве приметных пунктов они обычно пользовались ракетной или спасательной станциями...».

За все время командования флотом адмиралом Колчаком русская транспортная флотилия потеряла всего один пароход. Снабжение русских армий было, таким образом, обеспечено, и первая директива Черноморскому флоту — неограниченное господство на море — была прекрасно выполнена.

Вторая директива Ставки, предложенная адмиралу к выполнению, как было указано выше, заключалась в задаче занятия Босфора и Дарданелл летом 1917 года, когда Верховное командование предполагало возможность перелома военного счастья в нашу пользу и начала общего наступления наших войск и войск наших союзников на всех

фронтах. Адмирал начал готовить план 2-й задачи, атаки Босфора, намеченной на лето 1917 года.

Адмирал Колчак считал, что опыт операции британцев и французов у Дарданелл показал невозможность прорыва флота через узкий пролив без содействия армии. Поэтому его план атаки Босфора состоял в высадке десанта на побережье Черного моря для захвата сначала неприятельских батарей с суши. А затем уже, захватив батареи, надлежало вводить наш флот в пролив, когда траление минных полей не представит больших затруднений. Была подготовлена транспортная флотилия для перевозки десанта, выработаны подробные тактические наставления для осуществления высадки и организована служба связи.

Однако всему этому не суждено было осуществиться вследствие крушения Российской империи и последовавшего полнейшего разложения вооруженных сил России.

К чести для флота, ни один из высших морских начальников, ни один из Командующих флотами не замарали свою совесть и не запятнали свою честь перед лицом истории посылкой государю императору телеграмм и требований, подобных тем, какие в ту пору посылались в Ставку некоторыми высшими представителями нашего генералитета.

25 февраля ст. ст. 1917 года адмирал Колчак прибыл на эскадренном миноносце «Счастливый» в Батум для совещания с главнокомандующим Кавказской армией великим князем Николаем Николаевичем по вопросу о совместных действиях флота и армии и о постройке порта в Трапезунде. В Батуме адмирал Колчак получил телеграмму от начальника Морского генерального штаба следующего содержания: «В Петрограде произошли крупные беспорядки, город в руках мятежников, гарнизон перешел на их сторону». Адмирал немедленно возвратился в Севастополь, где его уже ждали телеграммы Председателя Государственной думы Родзянко об аресте правительства и о принятии власти комитетом членов Думы. Адмирал Колчак собрал тотчас же совещание флагманов и старших начальников крепости и порта, сообщил им содержание полученных телеграмм и предложил им сообщить о событиях офицерам и командам, призывая всех сохранять спокойствие и исполнять долг службы по-прежнему.

Адмирал заявил, что о дальнейших событиях он будет тотчас же оповещать старших начальников, дабы известия о ходе событий поступали к командам от их прямых начальников, а не со стороны в извращенном виде, от разных смутьянов и агитаторов. На флоте и в крепости все было спокойно. Через несколько дней были получены манифесты об отречении от престола государя императора Николая Александровича, и его брата, великого князя Михаила Александровича, и приказ государя, в котором он, на свое горе и несчастье и несчастье всей России,

повелевал армии и флоту подчиниться Временному правительству. Предвидя, что в связи с происходящими событиями противник может осмелеть и германские крейсера «Гебен» и «Бреслау» могут выйти в море, адмирал Колчак с флотом вышел в крейсерство на виду Босфора. Но на кораблях все было спокойно, и служба шла нормально.

Наконец, был получен по радиотелеграфу пресловутый приказ № 1 совета солдатских и рабочих депутатов, отменяющий дисциплинарную власть начальников и офицеров. Этот приказ сильно повлиял на нарушения дисциплины — начали происходить митинги команды, и влияние офицеров на подчиненных стало заметно падать. Флот начал разлагаться. Адмирал Колчак сделал попытку найти новые способы воздействия на подчиненных и призвал офицеров сплотиться с командами во имя спасения родины, напрячь все силы для успешного завершения войны, влиять своим примером на подчиненных и исполнять свой долг до высшего предела.

За этот призыв огромная толпа жителей Севастополя, матросов, солдат и портовых рабочих устроила грандиозную манифестацию и шумную овацию адмиралу. Но эта толпа была, как и всякая толпа, переменчива в своих настроениях — сегодня она кричала «осанна», а завтра с таким же воодушевлением будет вопить «распни его».

В апреле адмирал собрал в помещении севастопольского цирка представителей от всех частей флота, порта и крепости и произнес прекрасную, полную патриотизма речь, указав на гибельность выхода России из числа воюющих, потому, что какая бы сторона ни одержала победу, нашему Отечеству придется заплатить своим достоинством и потерей наших окраин победившей стороне, будь то враги или союзники.

Пламенная речь адмирала, произнесенная с замечательным ораторским искусством, произвела огромное впечатление и вызвала необыкновенный подъем духа. Команды выбрали из своей среды 500 делегатов для отправки на Западный фронт с целью противодействия разрушительной, пораженческой пропаганде и воздействия своим примером на армию в духе патриотизма. Престиж адмирала стоял в ту пору чрезвычайно высоко, и Александр Васильевич Колчак напрягал все свои силы для поддержания состояния боеспособности флота, но уход из Черноморского флота на фронт пятисот делегатов-патриотов лишил флот его лучших людей.

Прибывшие в Севастополь коммунистические агитаторы, одетые в форму балтийских матросов, стали вести открытую пропаганду против адмирала Императорского флота Колчака. Диалектика коммунистов-большевиков возымела большое влияние на умственно слаборазвитые и малокультурные толпы матросов, солдат и рабочих³. Влияние офицеров стало еще быстрее падать. В июне эскадренный

миноносец «Жаркий» отказался выйти в море для выполнения боевой задачи. Это было проявление уже явного неповиновения в условиях военной обстановки. Команда миноносца заявила, что хотя она ничего не имеет против своего командира лейтенанта Веселаго и даже очень его уважает, но он-де человек чересчур храбрый и поэтому воевать под его начальством слишком опасно.

8 июня 1917 года во дворе флотского экипажа собралось на митинг 15 тысяч человек. Балтийские делегаты наэлектризовали толпу, потребовавшую отобрания ручного оружия у офицеров. 9 июня в 2 часа пополудни на кораблях флота был принята радиотелеграмма от делегатского собрания отобрать у офицеров оружие. Судовой комитет флагманского корабля явился в каюту адмирала Колчака с требованием выдать свое оружие. Адмирал прогнал их вон, приказав затем поставить команду во фронт. Он обратился к команде, сказав, что их поступки губительны для Родины и оскорбительны для офицеров, что даже враги японцы не отобрали у него его георгиевскую саблю после сдачи Порт-Артура, и что он никогда не мог даже подумать, что доживет до такого позора, что свои же русские люди, с которыми он всегда делил вместе в первой линии все тягости и опасности войны, нанесут ему такое жестокое оскорбление, но что он им никогда своего оружия не отдаст и они его не получат ни с живого, ни с мертвого. «Не вы мне его дали — не вы и возьмете», — закончил адмирал и кинул свое оружие за борт, в море.

В полночь с 9-го на 10-е июня 1917 года адмирал Колчак приказал спустить свой флаг командующего флотом и передал командование старшему из числа флагманов контр-адмиралу В. К. Лукину, послав о происшедшем донесение Временному правительству. На это донесение была получена следующая телеграмма за подписью князя Львова и Керенского: «Вице-адмиралу Колчаку, допустившему явный бунт во вверенном ему флоте, немедленно сдать командование и прибыть в Петроград для доклада правительству». Адмирал был глубоко оскорблен текстом этой телеграммы. Отбывая вечером 10-го июня из Севастополя в Петроград, адмирал сказал: «Сами заварили кашу и вызвали бунт, а теперь сваливают с больной головы на здоровую».

